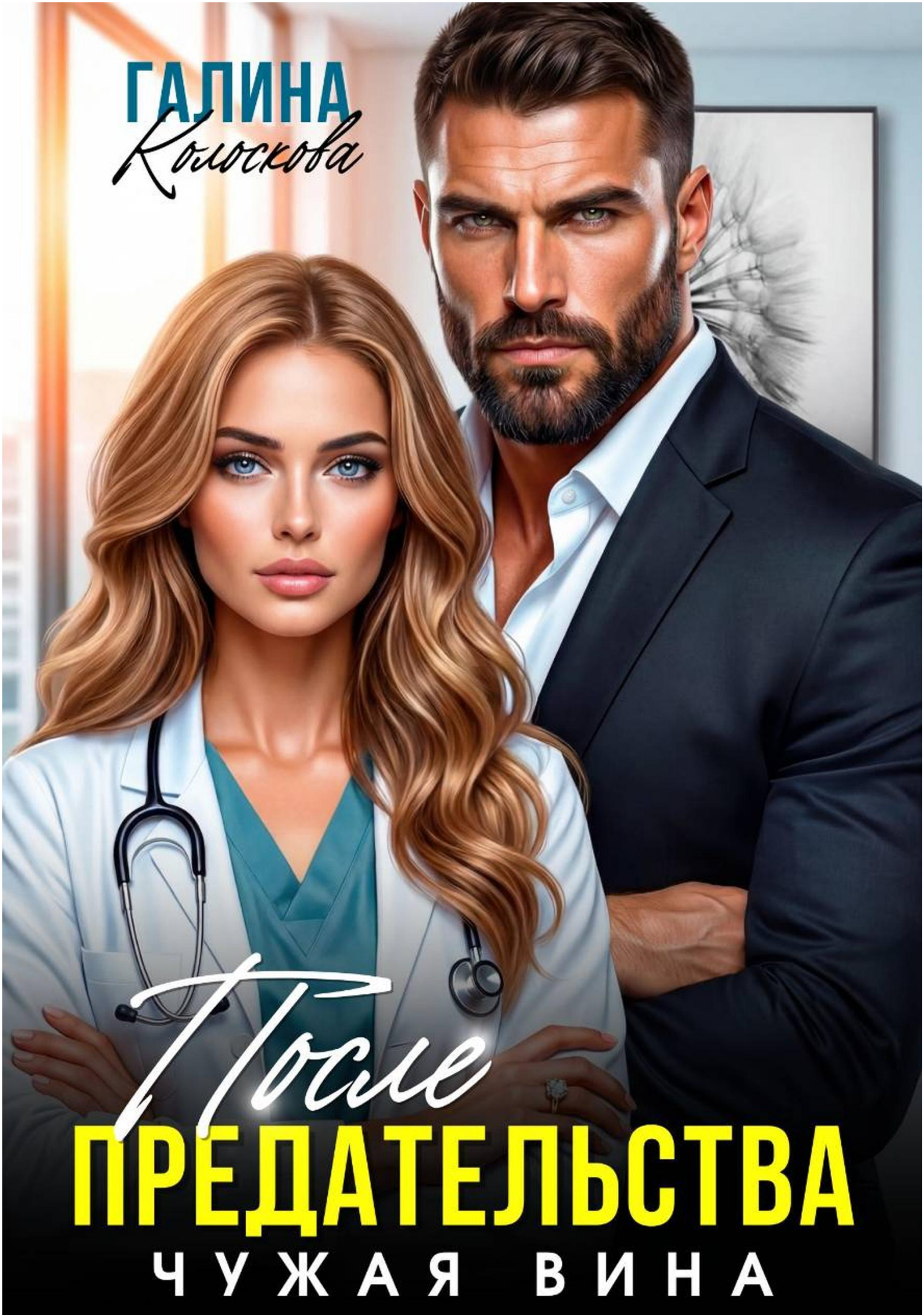

ГАЛИНА
Колоскова
После
ПРЕДАТЕЛЬСТВА
ЧУЖАЯ ВИНА

Галина Колоскова

После предательства. Чужая вина

«Автор»
2026

Колоскова Г.

После предательства. Чужая вина / Г. Колоскова — «Автор», 2026

Лицо Марка меняется — становится жалким, как у ребёнка.— Вера, пожалуйста. Я сделаю всё, что скажешь. Уволю Лидию. Больше никаких косяков. Только не дай мне сесть. Прошу.Громкий звук сирены разрезает воздух. Подъезжает скорая, за ней — полиция. Я слышу шаги, голоса. Люди в форме окружают нас.— Чья машина. Кто был за рулём? — голос у капитана безразлично бесстрастный. Он видел немало аварий.Марк выпрямляется. Страх на пьяном лице, сменяет маска возмущённого человека.— Её машина. Она, — он показывает на меня. — Моя жена, Вера Соболева. За рулём была она.

© Колоскова Г., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 9
Глава 3 12
Глава 4 14
Глава 5 16
Конец ознакомительного фрагмента. 17

Галина Колоскова
После предательства. Чужая вина

Глава 1

Я стою на парковке клиники «Норд-Медикал» в половине двенадцатого ночи. Дождь смешивается с мокрым снегом, ветер бьёт в лицо, волосы выбиваются из некогда аккуратного пучка. За спиной, в здании клиники, остались шампанское, фальшивые тосты и платиновая блондинка Лидия, весь вечер провисевшая на моём муже.

— Ты могла бы вести себя прилично, — в голосе Марка звучат ледяные нотки. — Устроила сцену при всех. Стыдно, Вера.

Я поворачиваюсь к мужу. Узел галстука развязан, воротник расстёгнут. От него разит дорогим виски и духами Лидии. И этот человек учит меня как себя вести?

— Прилично? Ты три часа танцевал со старшей медсестрой, девушкой моложе тебя на двадцать лет! А стоило мне подойти, отдёрнул руки от её талии как озабоченный школьник. Или ты держался за другое место?

Он недовольно кривится.

— Прекрати. Девочке грустно после развода. Поддержал коллегу, не более.

— Поддержал? — чувствую, как желчь поднимается к горлу. — Она целовала тебя в шею, Марк. Не только я видела, и остальные тоже. Все знают, что Ковальчук разводится уже во второй раз. И каждый раз выбирает мужчин выше статусом. Ей двадцать три! Ни опыта в работе толком, ни знаний, а уже в старшие медсёстры выбилась. В этот раз решила прибрать к рукам тебя?— Усмехаюсь. — В админы клиники метит?

Марк закатывает глаза.

— Вера, тебе не кажется, что ты перегибаешь? У нас двое детей. Дом в ипотеке. Какой развод? Не неси чушь!

— Не нравится слушать правду?

Замолкаю. Не хочу устраивать разборки у клиники. Это ниже моего достоинства. Разберусь с ним дома. Шарю в карманах пальто. Ключа от машины нет. Кроме Марка никто не мог взять. Протягиваю руку.

— Марк, отдай ключи.

— Хватит командовать. Достала!

— Хорошо, — говорю спокойно. — Давай вызовем такси. Ты выпил полбутылки виски, не меньше.

— Полбутылки? — он усмехается. — Двести грамм, максимум. За три часа под закуску. Я в порядке.

Продолжаю настаивать, пытаясь выхватить ключи из его рук.

— Даже после двухсот грамм не садятся за руль. Отдай мне ключи.Машина моя. Я поведу.

Марк пьяно ухмыляется.

— Ты тоже пила! Я видел у тебя в руках бокал шампанского.

— Держать не значит пить! Я пригубила. Поэтому и предлагаю вызвать такси.

Он не слушает, а идёт к моему «Мерседесу». Щёлкает брелоком. Слышу, как открываются замки на дверях. Смотрю на его спину — широкие плечи, мускулистые руки. Двадцать лет назад я влюбилась в него без памяти, и до сих пор очень люблю. Но последнее время его будто подменили.

— Хватит ныть, Вера. Дома ждут дети. — Он оборачивается, кривит рот в ухмылке. — Поспешим. Или оставайся здесь. Мне плевать.

Странная тоска сдавливает грудь. Холодный ком предчувствия встаёт в горле. Пытаюсь силой забрать у него ключи:

— Ты не сядешь пьяным за руль моей машины.

Бесполезно. Одно движение плеча, и я откинута в сторону.

— Ещё как сяду.

Он открывает водительскую дверь. Покачиваясь, неуклюже садится. Если яоставлю его одного и уеду в такси, он может разбиться. Или собьёт кого-нибудь по дороге. Деваться некуда. Интуиция кричит не делать этого! Но я словно мышь безвольно двигаюсь в пасть удава.

Делаю шаг. Второй. Открываю пассажирскую дверь. Плюхаюсь на холодное сидение.

— Умница, — цедит он и заводит мотор.— Прокачу тебя с ветерком.

Салон пахнет кожей и алкоголем. Я пристёгиваюсь. Он нет.

— Пристегнись.

Недовольное бурчание в ответ:

— Не командуй.

Наклоняюсь над ним, тяну за ремень. Щелчок фиксатора за секунду до того, как Марк вылетает с парковки, даже не посмотрев по сторонам.

Я вжимаюсь в кресло.

— Не гони!

— Расслабься…

Стрелка спидометра переваливает за восемьдесят. За сто. Мы на набережной, фонари пролетают как трассеры. Смотрю на его профиль — властный, жёсткий, красивый, с хищной ухмылкой. Ему плевать на мои просьбы, мои уговоры… да и вообще на меня. Где тот мальчишка, который дарил мне пионы на первом свидании? Где обещания «мы всегда будем единым целым, я никогда тебя не брошу»? Всё сожрала карьера. Или я сама позволила всему разрушиться?

— Марк, сбавь скорость. Здесь переход.

— Переход? — он смеётся, смех нервный, пьяный. — Я мастер во всём, Вера. И в вождении тоже.

Впереди загорается зелёный. Вместо тормоза он нажимает на газ.

Я успеваю только закричать: «Стой!»

Женщинав сером неожиданно выходит на переход, поднимает голову, смотрит на нас. На секунду её лицо падает в ослепляющий свет фар — я запоминаю его навсегда. Светлые волосы, серое пальто, в руке маленькая собачка. Она ослеплена. Прижимает тыльную сторону ладони к глазам, делает шаг назад, но поздно.

Удар.

Машину бросает влево, потом вправо. Лобовое стекло трескается паутиной. Мы врезаемся в столб левым крылом.Срабатывают подушки безопасности. Звук железа, которое мнётся, как фольга. Тишина воцаряется на несколько секунд. Я слышу, как громко стучит моё сердце.

— Ты жива? — голос Марка дрожит.

Дверь открывается с трудом. Я вылезаю на дрожащих ногах. У меня рассечена бровь — чувствую, как кровь течёт по щеке. Трогаю пальцами. Горячая густая, липкая жидкость. Постепенно опускаю руки, ощупываю себя — всё на месте, травм нет. Ноги трясутся, но идут.

Женщина лежит в пяти метрах от машины. Собачка — маленький померанский шпиц — сидит рядом и воет. Я бегу к ней, падаю на колени прямо в лужи. Проверяю пульс. Есть. Слабый, но есть. Кровь из головы растекается по асфальту, смешивается с дождём.

— Вы слышите меня? Вы слышите? Скорая сейчас приедет.

Она что-то шепчет. Я не разбираю.

На другой стороне остановки, в нескольких метрах, стоит чёрный «Бентли». Я успеваю заметить номер —цифры почему-то въедаются в память. Достаю телефон. Пальцы скользят по мокрому экрану. Набираю 112.

— Авария на перекрёстке Ленинского и Четвёртой Тверской. Сбит пешеход. Женщина в сознании, сильное кровотечение. Быстрее.

— Вера, ты что делаешь? — Марк стоит рядом, его трясёт. — Сбрось вызов! Мы уезжаем!

Голос визжит по-бабьи. Тянет меня за руку. Глаза вытаращены. Он боится, ужасно боится. Выдёргиваю рукав.

— Ты с ума сошёл? Она умрёт.

— Она живая, дышит! Мы ни при чём, она сама выскочила на красный.

— Горел зелёный, Марк. Ты гнал, ты пьян. Мы не уедем, пока её не заберёт скорая!— Я оборачиваюсь, выискивая взглядом прохожих. Никого.

Марк идёт от машины с тряпкой в руках. Не понимаю, что он делал? Вытирал кровь? Он хватает меня за плечо. Сильно, до боли. Бормочет перескакивая с одного на другое:

— Слушай меня. Ты трезвая. Мать двоих детей. Тебя не посадят. Максимум пара лет условно. А если скажу, что я — всё кончено! Клиника, репутация, деньги. Меня посадят. Дети останутся без отца. — Он сверлит меня умоляющим взглядом.—Скажи, что за рулём была ты. Это формальность. Я найму лучшего адвоката. Он обеспечит домашний арест.

Я смотрю на него. Дождь смывает слезы или кровь — не пойму. Не верю тому, что слышу. Мужчина, всегда бравировавший своей силой, лепечет слова как последний трус. Внутри меня что-то умирает. Смотрю на него с недоумением:

— Ты просишь взять на себя твою вину?

— Я прошу тебя спасти нашу семью!

— Какую семью? — шиплю в ответ. — Ту, где муж, как последний трус, подставляет жену под статью? Думаешь я смогу с тобой жить после этого?

Он молчит секунду. Его лицо постепенно меняется — становится жалким, виноватым как у нашкодившего ребёнка.

— Вера, пожалуйста... Я сделаю всё, что скажешь! Уволю Лидию. Больше никаких косяков. Только не дай мне сесть. Прошу…

Громкий звук сирены разрезает воздух. Подъезжает скорая, за ней — полиция. Я слышу шаги, голоса. Люди в форме окружают нас.

— Чья машина. Кто был за рулём? — голос у капитана безразлично бесстрастный. Он видел немало аварий.

Марк выпрямляется. Страх на пьяном лице, сменяет маска возмущённого человека.

— Её машина. Она, — он показывает на меня. — Моя жена, Вера Соболева. За рулём была она.

Я открываю рот. Хочу закричать: «Неправда! Это он вёл машину!» Но вижу мольбу в его глазах. Он уже сделал выбор. Он всегда выбирает себя. Смыкаю на секунду веки. Всё, что он сказал имеет смысл. Мне дадут условный срок, а у детей останется отец. Отгоняю неприятные возражения разума. Даже представить страшно, что Марка не будет рядом долгое время. Что буду без него делать? Как жить без человека, которого очень люблю? Слова летят быстрее мыслей:

— Да, — говорю, не вполне осознавая, что делаю. — Я была за рулём.

Меня отводят к машине. Сажают на заднее сиденье. Слышу, как Марк говорит полицейскому: «Я пытался её остановить. Но она не слушалась. Гнала, как бешеная».

Закрываю глаза. К горлу поднимается тошнота.

Женщину загружают в реанимобиль. На её лице кислородная маска. Она жива. Пока жива.

Меня увозят. Оборачиваюсь назад. Вокруг машины суетятся эксперты. Через стекло смотрю на Марка. Он стоит под дождём, разговаривает по телефону. И даже не смотрит мне вслед. Словно меня нет.

Я — Вера Соболева, сорок один год, врач-хирург. Час назад я была заведующей нейрохирургическим отделением. Сейчас я преступница.

И самое страшное — я всё ещё люблю подставившего меня человека.

Поворачиваюсь к окну. Дождь смывает с асфальта кровь той женщины. Я не знаю, как её зовут. Но знаю, что буду вспоминать её лицо каждый день ближайшие годы. До сознания доходит, что я совершила страшную глупость. Самое время сказать правду. Шепчу хриплым голосом:

— За рулём была не я. Это ошибка…

— Разберёмся! Следователю всё расскажешь.

Глава 2

Не хочу вспоминать о следствии и допросах. О боли предательства, что испытала за те месяцы. О выплаканных слезах. Нанятый Марком адвокат сделал всё, чтоб мне дали срок. Теперь я знаю, почему в руках Марка тогда была тряпка. Он стёр свои отпечатки на руле, на двери, на панели. С доказательствами сплошные чудеса. Оказывается, машина стояла в слепой зоне. Ни одна камера по дороге его и вовсе не зафиксировала. Странным образом «Мерседес» превратился в автомобиль-невидимку.

Доказать, что Марк был за рулём оказалось невозможно. На очной ставке он улыбался в лицо, давая показания, что пешехода сбила я.

Теперь я знаю, чем пахнет предательство. Кровью от искусанных тобой губ.

Три года… Я отсчитываю их не по календарю, а по стежкам на швейной машинке.

Колония общего режима под Нижним Тагилом. Утром — подъём в шесть, поверка, завтрак из жидкой каши и хлеба с маслом. В восемь — я уже в цеху. Шьём военную форму для солдат срочной службы. Куртки, брюки, утеплённые фуфайки. Моя норма — сорок изделий в смену. За перевыполнение дают свидание или посылку. За брак — карцер. Я не выдала брака ни разу. Руки помнят, как держать скальпель, но теперь они держат иглу. Унижение длиною в тысячу дней.

Сокамерницы сначала косятся: «врачиха, белоручка». Потом привыкают. Я шью быстро, не жалуюсь, не лезу в разборки. Единственное, за что меня уважают — я лечу их бесплатно. У кого фурункул, у кого давление.У восемнадцатилетней Настиприступ острого аппендицита начинается прямо в цеху. До больницы не довезут. Уговариваю начальника медчасти, оперировать здесь. Я могу ассистировать. Настя потомчастенько меня обнимает, говоря: «Вера Петровна, вы бы знали, как я вас люблю».

Так в сорок лет я стала«Петровной». В зоне стирается имя, остаётся прозвище.

Вечерами я учусь. Заочно — курсы медицинской статистики при Уральском федеральном университете. Зачем? Чтобы мозг не закис. Чтобы внутри теплилась мысль: я не навсегда здесь. Я выйду. И буду нужна. За два года я получаю диплом о профессиональной переподготовке. Теперь я не только хирург, но и медицинский статистик.

Смешно, да? Убить можно по-разному. Тюремная камера для меня гроб, но я воскресаю по вечерам над учебниками, а во сне оперирую.

Письма. Каждый месяц я пишу Марку. Длинные, до трёх страниц. Расспрашиваю про детей, про погоду. Пишу про то, что я его не виню. Вру, конечно. Но если я перестану писать, он подумает, что я сдалась. Первые шесть месяцев он отвечает. Коротко: «Всё нормально. Аня сдала экзамены. Лёва пошёл в первый класс. Не пиши им. Я сам всё передам». Потом ответы становятся реже. Через год он отвечает раз в два месяца. Всё чаще в голове возникает фраза: «Ваше письмо получено, но адресат не желает поддерживать переписку».

Восемнадцатый месяц. Моё письмо возвращается с пометкой «Адресат выбыл». Сижу на койке, сжимаю конверт в кулаке, и чувствую, как внутри всё обрывается. Марк продал квартиру. Марк сменил номер телефона. Марк вычеркнул меня из жизни, как опухоль, которую вырезал без анестезии и скальпеля.

Я не плачу. Я больше не умею плакать. Глаза сухие, внутри — боль, которая жжёт, как кислота.

Настя, та, что с аппендицитом, сидит рядом:

— Петровна, не надо. Ты сильная.

— Я устала быть сильной, — шепчу в отчаянии. — Я хочу быть слабой домашней женщиной и жить настоящей жизнью.

Она молчит. На зоне никто не лезет в чужую душу. Это закон.

За хорошее поведение, за переработки, за то, что никто не жаловался, меня выпускают по УДО на четыре месяца раньше. Начальница цеха — полковник внутренней службы Ирина Геннадьевна — пожимает мне руку на прощание. Шутит:

— Соболева, вы — швея высшего класса! Если не найдёте работу по специальности, возвращайтесь. У нас всегда есть место.

— Спасибо...— Улыбаюсь горько, не принимая тюремный юмор.

Я не вернусь. Даже если придётся мыть полы в поликлинике, я не надену больше эту робу.

Утро освобождения. На руках — сорок семь тысяч рублей. Зарплата в зоне копеечная, но я откладывала каждую сотню. Не покупала лишнего в ларьке, не брала в долг, не меняла сигареты на тушёнку. Эти деньги — мой билет на свободу.

Ворота открываются, и я выхожу под серое небо. В лицо бьёт сырой ветер с Урала. Сзади — вышка с автоматчиками, передо мной — пустая дорога. Я жду для приличия, оглядываюсь. Напрасно. Никто не приехал в такую даль. Ни Марк, ни мама (я не сказала ей точную дату, боялась, что не отпустят). Ни дети.

Сажусь на автобус до Нижнего Тагила, потом поезд до Москвы. Дорога занимает сутки. Еду в плацкарте, смотрю в окно. За стеклом проплывают леса, станции, люди с сумками. Я снова среди живых. Они не знают, кто я. Им всё равно. Это странное облегчение — быть никем.

Нельзя заявиться домой в таком виде. Нужно помыться, выспаться и привести себя в относительно божеский вид. В Москве я снимаю хостел на Полянке. Восемьсот рублей за ночь, кровать в комнате на четверых, душ и туалет в конце коридора. Девочки-администраторы из документов спрашивают только паспорт. И деньги.

Я принимаю душ одна, не оглядываясь и не ожидая подвоха. Впервые за три года. Горячая вода смывает колонию: запах, грязь, память. Стою под струёй десять минут. Потом ещё пять. Выключаю воду и смотрю на своё тело — похудевшее, с синяками на руках. Лицо постарело лет на десять, не меньше.

Спать не могу. В душе — лихорадка. Завтра я поеду домой.

Ленинский проспект, дом 47, квартира 112. Я помню каждую трещину в асфальте у подъезда. Помню кодовый замок — цифры из даты рождения Лёвы. Набираю код. Дверь открывается. Ныряю в знакомую темноту. Подъезд пахнет чьим-то борщом и кошками. Лифт не работает, поднимаюсь пешком на шестой этаж. Достаю ключ. Вставляю. Он не поворачивается.

Пробую ещё раз. Результат тот же.

Звоню. За дверью шаги. Сердце колотится так, что больно рёбрам.

Открывает женщина лет тридцати, спортивная фигура, короткая стрижка, в домашнем костюме розового цвета. На пороге — коврик с надписью «Welcome». Моего коврика нет.

— Вам кого? — спрашивает она спокойно, с лёгким удивлением.

— Я... это квартира Соболевых? Я Вера Соболева...

— Не знаю никаких Соболевых. Мы купили эту квартиру год назад. Через агентство «Ленинский простор». Всё официально, документы есть. А вы кто?

Я молчу. Я не могу сказать «я хозяйка». Потому что хозяйка — она. А я — уголовница, вышедшая из тюрьмы.

— Извините, — выдавливаю через першение в горле. — Ошиблась.

Дверь закрывается. Я слышу, как щёлкает замок. Остаюсь одна на лестничной клетке. Прислоняюсь спиной к стене, смыкаю веки. Перед глазами — та ночь. Марк, умоляющий сказать, что за рулём сидела я. Моя подпись под протоколом.Его холодные слова полицейскому.

Он продал квартиру. Мою квартиру! Квартиру, которую мы брали в ипотеку на мою зарплату, потому что он тогда только начинал карьеру. Я выплатила её досрочно и потом мы взяли дом. А он её украл.

Набираю номер Марка. Старый, который хранит моя память.

— Абонент недоступен.

Набираю дочку. Аня, моя девочка, ей сейчас шестнадцать. У неё должны быть выпускные, первая любовь, глупые селфи. Несколько лет назад мы говорили с ней каждый вечер.

— Номер заблокирован.

Я опускаю руку.

Иду вниз, выхожу из подъезда. Сажусь на лавочку. Начинается дождь — мелкий, мерзкий. Как в ту ночь. Я сижу под дождём, потому что мне некуда идти.

— Ты чего, мать? — окликает дворник с сигаретой. — Жива?

— Жива, — отвечаю. — Пока.

Встаю. Достаю телефон, набираю мамин номер.

— Мам, это я.— Зажимаю рот рукой, борясь с подступающими слезами.

— Вера... — голос мамы срывается. — Дочка, наконец-то. Ты где?

— В Москве.

— Приезжай. Прямо сейчас. В Троицк. Я жду. Я всё расскажу. Только приезжай.

— Аня у тебя?

— Нет, Аня у Ларисы, у свекрови. Марк настоял. А Лёва у меня последние полгода. — Она говорит сквозь всхлипывания. —Доча, твой сын здесь. Он помнит тебя и ждёт.

Я закрываю глаза. Лёва… Мой мальчик. Ему сейчас десять. Когда меня забирали, он плакал и цеплялся за юбку. А потом Марк запретил ему видеться со мной. Мама рассказывала в письмах — но не всё, боялась, что сорвусь и меня посадят в карцер.

— Я приеду, мам. Дай мне два часа.— Заставляю себя спрятать эмоции. Тётка с дорожной сумкой ревёт белугой, сидя на скамейке. Так можно в милицию загреметь.

Еду на маршрутке. Смотрю на Москву — большую, чужую, красивую. Небоскрёбы «Москва-Сити» светятся рекламой. Люди спешат, улыбаются. Никто не знает, что женщина в промокшем пальто, с разбитым сердцем и сорока семью тысячами в кармане, едет начинать новую жизнь.

Шепчу под нос, чтобы не взвыть:

— Вера, ты врач. Ты мать. Ты выжила в зоне… Ты справишься!

Но внутри — холод. Не от дождя. От предательства, которое оказалось глубже, чем я думала. Марк забрал квартиру, дом. Он забрал дочь. Он забрал моё доброе имя. Но не забрал одного — моё право на правду.

Я достаю смартфон и в поиске пишу: «Как найти владельца «Бентли» по номеру». Четыре года назад я запомнила три цифры - 777. Жирным шрифтом, как клеймо, они въелись в память. Я не знаю,чем сможет помочь мне этот «Бентли». Но что-то подсказывает: он ключ к возвращению моей жизни.

Машина подъезжает к Троицку. Пересаживаюсь в другую, подъезжаю почти к самому дому. Смотрю, как в до боли знакомых окнах зажигается свет. Мама ждёт меня, а где-то рядом с ней мой сын.

Я выхожу из тесного салона, поправляю воротник и переступаю порог новой жизни. Старая оборвалась в тот вечер на перекрёстке.

Глава 3

Мама встречает меня на пороге. Я не видела её три года. Она постарела — седые волосы стали совсем белыми, лицо в сетке морщин. Но глаза те же — серые, требовательные, любящие. Она обнимает меня, не в силах выговорить хоть слово. Сухонькое тело дрожит в немом рыдании. Так обнимают, когда боятся, что снова потеряют любимого человека.

— Проходи, дочка, — наконец выговаривает она глухо, будто долго плакала перед моим приездом. — Ужин на столе.

Я переступаю порог хрущёвки. Тесно, пахнет пирогами и старостью. Лёва спит, уже поздно. Я прошу не будить его — не готова в таком виде предстать перед сыном после трёх лет разлуки. Страх пред встречей. Боюсь, что он меня не узнает. Или узнает и отвернётся.

Сидим на кухне. Я пью чай, мама смотрит на меня и молчит. Она собирается с духом и начинает говорить:

— Марк продал квартиру через год после того, как тебя посадили. Сказал, что не может платить ипотеку за дом. Хотя я знаю, что платил. Просто хотел забыть тебя. Вычеркнуть.

— Он имел право? Доверенность?

— Он сказал риелтору, что ты в длительной командировке и у него есть доверенность. Подделал подпись. Я узнала от соседки, когда приехала проведать детей. Замки уже были заменены. Ещё через год продал дом. Теперь у тебя ничего нет.

Я сжимаю кружку. Пальцы белеют.

— Где он сейчас?

— Живёт в коттедже в Барвихе. С той женщиной, которую вы сбили. Её зовут Инна Корсак.

Гром среди ясного неба.

— Что?!— руки вздрагивают.

Горячая жидкость из кружки плюхается на гладкую поверхность. Янтарное пятно расплывается по столешнице. Вот почему потерпевшая дала показания против меня.

— Ты не ослышалась, дочка. Инна Корсак — владелица сети фитнес-клубов «Фит-Стар». Очень богатая, очень известная. После аварии её привезли в «Норд-Медикал». Марк делал операцию. Он вытащил её с того света. Потом в клинике ей делали несколько раз пластику. У неё были повреждены лицо и ключица. Он молодец, как врач — отличный специалист. Но главное — он оказался рядом. Ухаживал, носил цветы, обещал «искупить вину». Она влюбилась. У неё был муж, но она развелась. Теперь они пара.

— Она знает, что за рулём был он?

— Марк ей сказал то же, что следователю и на суде. Ты пьяная села за руль, он пытался тебя остановить, но не смог. И теперь чувствует себя виноватым перед тобой, поэтому помогает материально. Нанял адвоката, носит передачки тебе. Ты же всё слышала.

Запускаю пальцы в волосы, сжимаю виски ладонями.

— Мама, для меня те три месяца были словно в тумане. Я плохо помню, как проходил суд.

— Он всем заявляет якобы присылает мне деньги на Лёву. Но всё наоборот. Это я перевожу свои сбережения, чтобы он не забрал ребёнка.

Я встаю. Иду к окну, смотрю в темноту. За стеклом — обычный спальный район, гаражи, пустая площадка. В голове — карусель. Плохо соображаю. Что говорю:

— А где мои дети? Где дочь?

— Лёва здесь, спит в твоей старой комнате. Он тебя помнит, я показывала фотографии. Марк опять хотел забрать его месяц назад, но я сказала, что подам в суд, если он попробует. Аня... Аня у Ларисы Петровны, твоей свекрови. Они переехали в новую квартиру — Марк

купил ей однушку в Измайлово. Аня ненавидит тебя. Считает, что ты алкоголичка, что ты чуть не убила человека, что своей пьянкой ты предала семью.

Качаю головой. Сердце разрывает боль.

— Она мне не звонила.

— Знаю. Заблокировала твой номер. Я пыталась говорить с ней, но Лариса настроила девочку против тебя. Говорит, что ты гулящая тварь и что неблагодарного Лёву надо отдать в детдом.

Я поворачиваюсь к маме:

— Лёву — в детдом? Он мой сын!

— Успокойся, дочка. Лёва здесь. Марк настоял, чтобы Аня жила с Ларисой, а Лёву хотел отдать в интернат. Я написала заявление в опеку, сказала, что возьму внука к себе. Марк подписал согласие — ему с новой женой не нужен лишний груз.

Я закрываю лицо руками. Плечи трясутся. Слёз нет — колония выжгла их. Но внутри — крик.

— Почему ты не сказала мне этого в письмах?

— Боялась, что ты сорвёшься, что тебя накажут. И потом... я надеялась, ты выйдешь, и сама всё исправишь.

Я вытираю лицо ладонями. Беру себя в руки.

— Завтра я начну искать работу. Мне нужно восстановить лицензию, но сначала снять судимость. Для этого нужно доказать, что за рулём был Марк.

— Как ты это сделаешь?— В глазах мамы надежда.

Качаю головой.

— Не знаю пока. Но есть одна намётка — чёрный «Бентли», который стоял рядом в момент аварии. Я запомнила три цифры из номера. Надо найти владельца. Если у него был включён регистратор там видно, кто с какого места выходил.

Мама смотрит на меня с сомнением:

— Если его не нашёл следователь и твой адвокат, то где гарантия, что найдёшь ты? Три года прошло. Вера, ты только вышла. Тебе надо отдохнуть.

— Следователь не искал. Зачем, если можно за пару дней закрыть дело с готовой подозреваемой. Адвокат работал на Марка, не на меня. Отдыхать буду, когда правда восторжествует.

Утром просыпаюсь от шороха рядом. Ещё не понимаю, где я нахожусь. Мгновенно сжимаю кулаки и открываю глаза. Выдыхаю с облегчением — надо мной стоит Лёва. Мой мальчик. Худенький, светловолосый, с веснушками на носу. В руках — игрушечный тигр. Мой последний подарок.

— Ты моя мама? — спрашивает он шёпотом.

С трудом продавливаю ком в горле. Сдерживаю невыносимо острое желание обнять его, прижать к сердцу. Отвечаю почти нараспев:

— Я, сынок.

Светловолосая голова склоняется набок:

— А где ты была?

— Лечилась, — произношу, подавляя то, что щиплет в носу. Слёзы точно его испугают. — Долго лечилась. Но теперь я здорова и вернулась.

Он бросается на меня, обнимает тонкими руками за шею. Я чувствую запах его волос — детский шампунь, молоко, счастье. Впервые за три года я могу и хочу дышать.

— Не уходи больше, — просит он сквозь слёзы.

Кровь стучит в висках. Я борюсь с всхлипываниями, но не могу сдержать солёные градины, ручьями потёкшие по щекам. Шепчу не переставая:

— Ни за что! Никогда! — Расцеловываю щёки любимого человечка. Попробуй хоть кто-то оторвать его сейчас от меня. Загрызу зубами!

Глава 4

Вечером мама гуляет с Лёвой на улице, а я сажусь за ноутбук. Открываю сайты, ищу работу. Моё резюме — хирург высшей категории, опыт 15 лет, курсы медицинской статистики. Но в графе «судимость» стоит жирная точка. Марк позаботился, чтобы моя репутация была уничтожена.

Пролистываю вакансии. «Врач-нейрохирург» — требуется опыт не менее семи лет, отсутствие судимости. «Медсестра в процедурный кабинет» — среднее образование, опыт приветствуется. У меня есть диплом медучилища — я начинала с медсестры, потом выучилась на врача. Это мой туз в рукаве.

Набираю номер главного врача районной больницы в Троицке. Представляюсь. Голос в трубке сухой, чиновничий.

— Вера Сергеевна, с вашим прошлым... Вы понимаете. Но медсестрой на полставки в хирургию могу вас взять. Зарплата двадцать две тысячи. Пол мыть не придётся, но перевязки, уколы, капельницы — это к вам. Согласны? Киваю, словно он может меня видеть:

— Согласна.

Даже не надеялась, что так повезёт с первого раза.

— Завтра в восемь утра на медосмотр. Паспорт, СНИЛС, трудовая. И справка об отсутствие венерических заболеваний. Жду.

Давлю желание сказать, что я оперировала сложнейшие случаи, что профессор Крылов называл меня своей лучшей ученицей. Но кому это сейчас нужно?

Первый рабочий день. Больница номер четырнадцать — типовое здание с жёлтыми стенами и запахом средств дезинфекции внутри. Отделение хирургии на сорок коек. Заведующая — Галина Аркадьевна, женщина шестидесяти лет с железным рукопожатием.

— Соболева, — говорит она, листая моё личное дело. — Бывший нейрохирург. А теперь медсестра. Как вы здесь оказались?

— Жизнь так повернулась.

— Не наша печаль. Работайте. Первая палата — постовые больные, после аппендэктомии. Вторая — травматология. Знакомьтесь с сестрой Анной, она введёт вас в курс обязанностей и всё покажет.

Анна — пухлая девушка лет двадцати с недовольным лицом, показывает мне процедурную, инструменты, журналы.

— Только осторожнее с сорок пятой палатой, — шепчет она. — Там лежит мужчина, уж больно нервный, каждую ночь зовёт жену. Она его бросила, а он всё надеется.

— Бывает, — произношу с сочувствием. — Мужчины тоже страдают.

— А вы?

Кривлю губы в улыбке.

— Я уже отстрадала.

Постепенно вхожу в рабочий ритм: уколы, капельницы, перевязки, оформление карт. Руки помнят каждый вид и технику хирургических швов, каждый зажим. Теперь они держат шприцы и обрабатывают раны. Унижение? Да. Но я не жалуюсь. Каждый день рядом с хирургами — вижу их ошибки и успехи. Вечером записываю в тетрадь, что могла бы сделать лучше.

Однажды в отделение привозят пациентку после автомобильной аварии — множественные переломы, черепно-мозговая травма. Хирург на месте, молодой парень, видно, что растерялся.

— Трепанация нужна немедленно, — говорю я тихо. — У неё внутричерепная гематома.

— Вы медсестра, — огрызается он. — Не лезьте.

— Я нейрохирург. Бывший. Но вижу, что пациентка умрёт через два часа, если вы не дренируете.

Он смотрит на меня, потом на снимок. Берёт трубку, звонит заведующей. Галина Аркадьевна приходит, смотрит, кивает:

— Соболева, в операционную. Посмотрим, что вы умеете.

Операция длится три часа. Я помогаю, подаю инструменты, советую. Галина Аркадьевна делает всё сама, но прислушивается. Пациентка остаётся в живых. Оценка заведующей значит для меня очень многое:

— Вы знаете больше, чем наш штатный нейрохирург.

— Я училась у профессора Крылова.

— Крылова? — она удивлена. — Он легенда. Почему вы здесь?

— Я уже сказала: жизнь так повернулась.

Вечером возвращаюсь в мамину квартиру, Лёва спит. Я сажусь за кухонный стол, открываю учебник «Нейрохирургия» и читаю до полуночи. Мама приносит чай.

— Вера, ты себя загоняешь.

— Мам, я должна быть готова. Снимут судимость, я сразу сдам экзамен на лицензию. Не могу позволить себе отстать от последних разработок в медицины.

— А тот «Бентли»? Ты нашла владельца?

— Пока нет. Но я написала в ГИБДД, старому знакомому папы. Майор Кравцов, Андрей Семёнович. Ты должна его помнить, мама. Они вместе ездили на рыбалку.

— Помню, доча, но после того, как тебя осудили, многие от меня отвернулись. Думаешь Андрей откликнется?

— Уверена, что сможет. Лишь бы ему передали письмо. Вдруг он сможет помочь? Жду ответа.

Проходит две недели. Я работаю, учусь, ночью сплю по четыре часа. Однажды в процедурный заглядывает женщина с огромным букетом роз. Я её не узнаю.

— Вера Соболева? — спрашивает, разглядывая меня.

Искренне не понимаю причины её появления, да ещё с цветами. Никаких юбилеев сегодня, а тем более праздников

— Я.— Откладываю в сторону карту последнего пациента.— Вы что-то хотели?

Она широко улыбается:

— Меня зовут Светлана. Вы спасли меня в операционной месяц назад. Я пришла поблагодарить. Мне сказали, что именно вы настояли на операции.

— Это работа врачей, — отвечаю, не желая приписывать себе чужие лавры.

— Врачей? — она улыбается. — Да, мне сказали, что вы хирургическая медсестра. Но всё равно настоящий врач — вы. Как и чем я могу вас отблагодарить?

Улыбаюсь. Я успела отвыкнуть от подобных слов благодарности. Улыбаюсь от счастья во весь рот.

— Расскажите всем, что Вера Соболева — хороший медик.

Кивает:

— Расскажу. Обязательно. Ещё раз спасибо!

Она уходит. Я смотрю ей вслед с букетом в руках и думаю: может, мир не так уж жесток. Маленькие победы возвращают веру в людей.

Глава 5

Ночью ворочаюсь и никак не могу уснуть. В маленькой комнате, где когда-то висели мои школьные грамоты, теперь стоит кровать Лёвы. Мальчик спит, раскинув руки в стороны, словно обнимает мир. Мир, в котором я должна обеспечить ему комфорт, безопасность и возможность получить отличное образование. Всё то, на что нужны большие деньги, а не полставки медсестры.

Мысли о ночи аварии снова и снова крутятся в голове. Чёрный «Бентли», замерший в нескольких метрах от разбитого «Мерседеса».

Смыкаю веки и прокручиваю картинку. Фары, дождь, блеск мокрого асфальта. Машина — длинная, низкая, с хищным силуэтом. Я тогда мельком увидела номер. Почему он запомнился? Не знаю. Мозг хирурга фиксирует детали в стрессовой ситуации — это спасло не одну мою пациентку. Или что-то свыше заставило вцепиться в него памятью?

Вскакиваю в три часа ночи. Включаю ноутбук. Мама на кухне убавила свет, я слышу, как она кашляет. Лёва сопит. Открываю поисковик и ввожу: «ДТП Ленинский проспект 26 марта 2022».

Выскакивают десятки ссылок. Новостные заметки, форумы, блоги. Пролистываю. Вот «Московский комсомолец»: «Женщина сбита на переходе, водитель пыталась скрыться» Заголовок врёт. Я не сбивала и тем более не собиралась скрываться. Я вызвала скорую. Но журналисты любят сенсации.

Открываю статью. Текст мелкий, фото чёрно-белое. На снимке — место аварии. Моя машина, столб, скорая. И на заднем плане — кусок чёрного капота. «Бентли». Я увеличиваю изображение до пикселей. Номера не видно — его закрывает крыло проезжающей мимо «Газели». Проклятая «Газель»! Я всматриваюсь в фотографию. Рядом с Бентли стоит фигура человека. Мужчина, высокий, в тёмном пальто. Лица не разобрать.

— Кто ты? — шепчу я экрану.

Мужчина молчит. Фото не отвечает.

Листаю другие сайты. «Коммерсантъ», «Известия», даже «СтарХит» написал про аварию — потому что пострадавшая оказалась не последним человеком. Инна Корсак. Её имя уже тогда мелькало на страницах глянца.

Ни в одной статье нет номера «Бентли». Ни в одной заметке не указан свидетель. Как будто его и не было вовсе.

Но он был, я отлично помню! Он исчез после того, как меня увезли, и не фигурировал ни в одном протоколе.

Утром едва Лёва ушёл в школу, а мама — в поликлинику за рецептами, я достаю старый отцовский телефонный справочник. Папы нет четыре года — сердце не выдержало, когда меня осудили. Он плакал в зале суда, а потом просто лёг и не встал. Я не сумела с ним попрощаться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.